

ВАЛЕРИЙ МИРОШНИКОВ

Жизнь и смех вольно философа Ландауна. То

ЛАНДАУН НАВСЕГДА!
(ХОХМОЭПИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ)

Валерий Мирошников

**Жизнь и смех вольного
философа Ландауна.
Том 2. Ландаун навсегда!
(Хохмозэпическая трилогия)**

«Издательские решения»

Мирошников В.

Жизнь и смех вольного философа Ландауна. Том
2. Ландаун навсегда! (Хохмозэпическая трилогия) /
В. Мирошников — «Издательские решения»,

Род Ландаунов происходит из казаков, поэтому он всегда рубит правду-матку шашкой наголо и невзирая на лица. Есть у него и примесь еврейской крови, от евреев у него лысина и длинный язык. От коммунистов Ландауну достались ум, честь и совесть, от либералов — наивность и неприязнь к коммунистам, от татар — привычка ходить в гости без приглашения, от детей — вера в чудеса. Разумеется, при такой гремучей смеси в жилах он постоянно попадает во всякие истории...

Содержание

Вместо введения.	6
Часть 1-я	7
Душа толпы	7
По следу Конька-горбунка	11
Котел 1-й. Тело	14
Две истории про коров и кур	16
Котел 2. Душа	18
Две истории про билет и карты	21
Котел 3. Дух	23
Две истории о том, что произошло на площади	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Жизнь и смех вольного
философа Ландауна. Том 2
Ландаун навсегда!
(Хохмозэпическая трилогия)
Валерий Мирошников**

© Валерий Мирошников, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо введения. На месяц впереди эпохи

Бурная зима 2011—2012 гг. со «снежной революцией» и раскаленным докрасна противостоянием в Сети «всех против всех остальных» вызвала к жизни новый жанр, дерзкий и рискованный, решиться на который мог только такой вольный философ, как Ландаун. Этот жанр можно назвать «фантастикой ближнего боя», поскольку события сюжета разворачивались в ближайшие дни, недели, максимум – месяцы.

Совершенно безрассудное решение, вся глупость которого очевидна уже сейчас. Никогда путные пророки не прорицали события на ближайший месяц – это же каждый сможет дожить и проверить, а потом потерять уважение к пророку. Но Ландаун пошел на это, потому что стремился не столько предсказать, сколько воздействовать на будущее, создавая его образ неожиданными, яркими и привлекательными красками. Отвлечь внимание от уличной митингующей стихии и обратить его к конструктивной работе над собой и обществом в целом.

Беспокойство за судьбы страны заставило бросить в бой самые долго вынашиваемые вечные темы, буквально пожертвовав ими в угоду сиюминутной политике. Но и напряжение противостояния либералов и Интернет-ополчения дало мощный импульс разработке самих тем в соответствии с латинским изречением *Necessitas auctum intellectum!* – «Необходимость обостряет разум!» Стремление успеть за событиями отбрасывало в сторону сомнения и комплексы – только вперед и с шашкой наголо. И это породило особый колорит, особую динамику повествования. Поэтому, считаю, размен фигур оказался полезным, во всяком случае, дал свои плоды. Честно говоря, если бы не революция, я бы, наверно, и не осилил такие темы, как Дар вечной молодости и Аттестат человеческой зрелости.

И вот будущее пришло. Выборы состоялись, революция не совершилась. И уже через год никто о ней не вспомнит. Проигравшие – потому что не любят вспоминать поражения. Победители – потому что невелика честь в победе 140-миллионного народа над 50-тысячной тусовкой в норковых шубах. Значит ли это, что сиюминутная составляющая этого эпизода из жизни вольного философа Ландауна потеряла смысл? А вот и нет! Теперь она сама стала документом эпохи, впитавшим ее нерв и пульс. И вполне может так оказаться, что версия событий, изложенная в данной саге, когда-то войдет в учебники истории, в которых все равно из-за мифов и вымыслов давно не осталось места для настоящих фактов.

Но главное, конечно, в том, что сам метод конструирования ближайшего будущего показался мне захватывающе-интересным и, разумеется, будет иметь продолжение. Я еще не раз буду вот так формировать образ будущего и участия в нем конкретных узнаваемых лиц. Если в склоне холма проскрести канавку хотя бы сучковатой палкой, вода канавку непременно размочит и превратит в большое русло. Так же и с моими героями. Если раз за разом я буду на их пути проводить канавку своей палкой, однажды они не смогут из нее выбраться. И история пойдет истинным путем.

Часть 1-я

*

Дар вечной молодости

Душа толпы

Ландаун строил с дочкой Матреной снежный домик иглу.

– Какая удивительная конструкция! – восхищалась Матрена. – Кто ее придумал?

– Эскимосы, – сообщил Ландаун. – Ум северян, вообще, очень изобретателен и изворотлив. Они живут в весьма трудных условиях, и им приходится приспосабливаться, чтобы выжить.

– А есть кто-нибудь, кто живет севернее северян? – спросила Матрена.

– Раньше были. Была такая удивительная страна – Гиперборея. Она находилась на Северном полюсе.

– Вот уж они, наверно, были такие изворотливые!

Ландаун рассмеялся:

– Это точно. Для обогрева своего острова они создали внутри него искусственное море, которое подогревалось теплом магматических слоев Земли.

– Ну, хитры.

Эту увлекательную беседу прервало появление Михалыча – очень древнего, полностью седого деда, который обустроился через два участка от Ландаунов. Занимался он пчелками и козами, из поместья выходил редко, но порой к нему приезжали очень экзотические личности – индусы, тибетцы, африканцы. Станным образом, не имея сотового телефона и других благ коммуникации, он всегда знал об их появлении и встречал на границе поселения. Ландаун несколько ревниво относился к Михалычу, который на собраниях поселения не раз высказывал суждения более общие, чем наш вольный философ, и более удобные всем. И даже когда Михалыч молчал, его молчание было весомей многословных речей. В его присутствии известные демагоги не могли связать двух слов, зато молчуны обретали дар речи и выдавали такие идеи, что все диву давались. Впрочем, Михалыч не гнался за славой и властью, был занят своими козами, и, вообще, говорил только, когда его спрашивали. Ландаунам, кстати, он благоволил и, бывало, приносил молоко или мед, денег не брал, но с удовольствием принимал помощь по хозяйству.

– Балуешься тут с детишками! – проворчал Михалыч. – А в стране у тебя что творится!

– А что творится? – удивился Ландаун.

– Телевизор-то включи! – сказал Михалыч, который телевизора на дух не переносил. – Революция в Москве. Толпы народу на площадях.

– Витрины бьют?

– Не-а. Пока мирно стоят, только белые ленточки нацепили. Но лиха беда начало.

Ландаун отправил упиравшуюся Матрену читать книжку, а сам уселся за компьютер, качая с YouTube записи послевыборных митингов оппозиции. Он слушал возбужденные, хоть и малосвязные, речи ораторов. Видел сияющие глаза школьников, для которых это было все в первый раз и уж куда круче, чем первый бал Наташи Ростовской. Они же не знали, что 20 лет назад их родители также «хотели перемен» гораздо больше, чем уроков в школе. Но школа жизни их настигла и заставила выучить пропущенный материал, пропустив через мясорубку чеченских и бандитских войн, проведя обезжиривание приватизацией, стерилизацию протекцией и порнографией, консервацию в вечном хаосе рынка. Как и положено философу,

Ландаун видел шире, чем позволяли обрезанные края телевизионного кадра. Не в том дело, что, оставаясь невидимым, режиссер умело руководил солистами и массовой, предусмотрительно ввел в аудиторию подсадных уток, а неизбежные огрехи убирал монтажом. Сама частотная характеристика видеокамеры не давала ей видеть, как в СВЧ-диапазоне излучения людей сливались и образовывали некую обобщенную и упрощенную душу толпы. Кто-то из составляющих толпы любил женщин, а кто-то мужчин, кто-то Навального, а кто-то себя, но арифметически-усредненная толпа не любила никого – ни стариков, ни детей, ни кошек, ни собак, ни коммунистов. Иные из собравшихся идеализировали Запад, а другие смотрели на Восток. Толпа была здесь и сейчас, она не имела исторической памяти, географических и политических пристрастий, а жила своей, очень простой, абсурдно простой жизнью. Она должна была расти, это было все, что она умела. Она не умела рассуждать, строить, творить, лелеять, она умела только раздуваться, как воздушный шарик, пока не встретит острие. И это острие готовилось для нее, речи ораторов становились все более дерзкими, застоявшиеся ноги требовали движения, белые ленточки были отличной мишенью, которая легко окрашивается в красный цвет.

– Что это у них за женские прокладки на груди? – вывел Ландауна из задумчивости голос жены. – Это митинг феминисток?

«Революция женских прокладок!» – хмыкнул про себя Ландаун и ответил Гюльчetaй:

– Это не прокладки. Это белый флаг. Они сдаются в плен блоку феминисток и гомосексуалистов под названием НАТО.

«Раньше была поговорка, – успел подумать Ландаун. – Если ты можешь изменить жене, то можешь изменить Родине! Теперь дело круче. Если тебе женщина способна запудрить мозги и вить из тебя веревки, тем паче профессионалы забугорных голосов и блогов сломают твою волю с помощью нейро-лингвистического программирования и пошлют тебя на митинг и разрушение собственной страны. Революция женских прокладок – надо же так точно попасть в суть! Ну, Гюльчetaй!»

– Лариска приехала! – радостно проворковала Гюльчetaй, уже забыв о митинге и НАТО. – Мы посидим с ней на кухне! Поболтаем!

– Какая Лариска? – не понял Ландаун. – При чем тут Лариска?

– Ну, уж не притворяйся, что Лариску не помнишь. Ты ей еще в университете стихи писал.

– Какие стихи?

– Здрасьте! Даже я помню! – и она продекламировала:

*Кто остренький носик сует не туда и не так?
Для каждой Лариски найдется своя Шапокляк!*

– Стихи! – проворчал Ландаун. – Вообще-то это называется эпиграмма! – И вдруг спохватился. – А ты-то откуда это знаешь? Ты же на три года позже училась!

– А вот знаю! – загадочно повела бровью жена.

– Ну, иди болтай, как хотела. Или мне надо выйти поздороваться?

– Сиди! Я сказала, что ты в задумчивости! – Гюльчetaй поцеловала его в лоб и упорхнула.

«Уже за сорок, трое детей, а вот – порхает!» – удовлетворенно заметил Ландаун и вернулся в революцию.

Толпа живет сегодняшним днем, нет никакого проку напоминать ей, что еще 9 месяцев назад вице-президент наших геополитических противников Джо Б. пообещал устроить революцию в России, если Мировлад Нитуп снова выдвинет свою кандидатуру в президенты. Для толпы, рожденной день назад, 9 месяцев – доисторический срок. Она даже

не поймет, в чем связь между сегодняшним весельем и давно забытой болтологией. Как только что рожденный ребенок не помнит миг своего зачатия. И даже намеки, что сайт революции www.belayalenta.com зарегистрирован за два месяца до выборов, что весь этот спектакль планировался заранее, – этого толпа тоже не воспримет. Не поймет толпа и того, что ее действия странным образом играют на руку недругам, которые стремятся не допустить возрождения мощной державы, создания Таможенного и Евразийского союзов. Для толпы это слишком длинная логическая цепочка. Она мыслит лозунгами, доходящими до междоуметий. «Мы за Евразийский союз!» – воскликнет толпа и пойдет разваливать Россию. «Мы всего лишь за честные выборы!» – будет твердить толпа. А честные выборы – это те, которые Вашингтон и Лондон признают честными, о чем объявят на «Эхе (почему-то) Москвы».

– А Андрюшка-то Левинсон где? И что, у вас так ничего и не получилось? – раздавалось на кухне.

«О Боже! Помоги советом! Что... что я могу сделать, чтобы не допустить в России революции, хаоса и разрухи?» – воззвал Ландаун.

«Сын мой! Вот что надо сделать...» – ответил Бог, но его слова заглушил взрыв смеха на кухне:

– Так и сказала? Ну, ты даешь!

Ландаун впервые попал в такое двусмысленное положение: с одной стороны Бог ему ответил и теперь, видимо, ждал каких-то действий с его стороны, но он так ничего и не понял.

«Извини, Отец! Я не расслышал. Повтори, если не трудно!»

«Мне не трудно, сын мой! Я сказал...» – на этот раз слова Творца заглушил плач навзрыд.

– Никогда себе этого не прощу!

Ландаун схватился за голову и выскочил из дверей:

– Гюльчетай! Здравствуй, Лариса! Гюльчетай, ты мне не даешь поговорить с... – он показал глазами вверх.

– Это он с Богом говорит! Не обращай внимания! – сказала Гюльчетай Ларисе, слезы которой уже чудесным образом просохли и даже не повредили косметику.

– Как это «не обращай внимания»?! – вскипел Ландаун. – Он мне дважды говорил, что надо сделать, чтобы не допустить революции, я не разобрал ни слова!

– Успокойся! Я все разобрала! – мягко ответила жена.

– Да? Ну, говори!

– Он сказал, что если ты поможешь Ларисе найти мужа и построить свою любовь, то революции не будет!

– И как одно с другим связано?

– Вообще-то все люди, а женщины в особенности, хотят на самом деле не свободных выборов и не контроля над избирательными комиссиями, а счастья, – пояснила Гюльчетай.

– Продолжай! – заинтересовался Ландаун.

– Если они найдут свое счастье, то забудут про революцию и, вообще, про все на свете забудут.

– Ладно! А мужчины?

– Так мужчины и будут их счастьем!

– Ты, в самом деле, так и сказал? – обратился Ландаун вверх.

«Истинно так, сын мой!»

– Да будет воля Твоя! – принял свою миссию Ландаун и обратился к Ларисе. – Но тебе придется слушаться меня во всем.

– Как тибетского гуру?! – обрадовалась Лариса. – Ты даже можешь при надобности бить меня палкой!

– Палкой – это чересчур! – почесал затылок Ландаун. Вскоре он пожалеет, что отказался от этого действенного средства.

С какой стороны взяться за дело, он не понимал совершенно, но от него зависела судьба страны.

По следу Конька-горбунка

Первым делом Ландаун отобрал у Ларисы паспорт и деньги

– Это еще зачем? – удивилась Лариса.

Ландаун произнес длинную и путаную лекцию о том, что документы и деньги несут негативную энергетику привязки к системе. Короче, от них все несчастья. Это было не совсем правда, но интуиция подсказывала философу, что работа с женщинами всегда таит немало неожиданных поворотов. Он просто не мог рисковать будущим России. И хорошо еще, что Лариса не заметила, как он спрятал в печке ее сапоги.

Ландаун несколько рассеянно выслушал исповедь Ларисы о двух ее замужествах. О том, что первый муж пропал без вести в Чечне, а второй не понимал ее душевных стремлений, весь сосредоточившись на неудачах в бизнесе. И однажды она ушла в другую жизнь, без скандалов и объяснений, просто закрыв за собой дверь и забрав двух дочек от обоих браков. Муж не стремился ее вернуть и не навещал дочку. Жила она с дочками по-разному, как и вся страна, но, в общем, дружно, а недавно старшая дочь родила внучку, но с отцом своего ребенка так и не осталась – так что народу в этом импровизированном женском монастыре прибавилось.

– Толи это у нас родовая карма? – в задумчивости сказала Лариса. – И мама моя с отцом развелась, и я двух мужей потеряла, и дочери мои теперь с парнями общего языка найти не могут.

– Нет тут никакой родовой кармы, – Ландаун демонстративно грубо снес психологический блок. А затем то же самое, что Лариса, сказал обычными русскими словами, включающими понимание и сопереживание. – Вы просто очень давно живете одни, без мужчин. Отвыкли.

Заинтересовала его история с сайтом знакомств, на котором все мужчины врут женщинам и в жизни совсем не похожи на тех, за кого себя выдают.

– А ты в анкете настоящий возраст указала? – спросил Ландаун Ларису.

– Ну... уменьшила на 5 лет. Какое это имеет значение?

– Да никакого! – согласился Ландаун, и вдруг его озарило. – Это же самое важное!

– Да? – удивилась Лариса.

– Ты не там ищешь! – пояснил Ландаун. – Какой ты указала желаемый возраст партнера?

– От 45 до 60.

– А теперь сама подумай! Если мужик дожил до пятого десятка и не женился – он просто не приспособлен к семейной жизни, он не умеет строить отношения с женщинами, у него нет ценности семьи, дома. Он привык быть один.

– Наверно! – сокрушенно вздохнула Лариса. – И что же делать?

– Найти себе молодого, свободного, красивого. Лет 30-ти.

– Галкина у Пугачевой отбить? – рассердилась Лариса. – Я же тебе серьезно поверила, что ты поможешь, а ты здесь демагогией занимаешься! Ну, кому я нужна из молодых? Им что, девчонок мало? Да их как собак! Вон полный автобус по утрам едет! И потом, если он молодой, семью хочет, ему же ребенка надо родить. А я что? У меня один день – климакс, другой – менопауза!

Лариса вскочила, чтобы навсегда исчезнуть из этого сумасшедшего дома, Ландаун сделал попытку схватить ее за руку, уцепился за сумочку, протаскился за ней метра два и уткнулся носом в ковер. Сумочка осталась у него в руках, а Лариса лихорадочно схватила шубку и бросилась к двери, но без сапогов выбежать на снег и мороз не решилась и тихонько заскулила, прислонившись к косяку.

– Довел женщину! – в сердцах воскликнула Гюльчетай, появившись со двора с собачьей кастрюлькой.

Она пыталась успокоить Ларису, а Ландаун оправдывался, что так и должно было быть, что надо было снять психосемантические блоки и родоклановые заклатья, а закончил неожиданно:

– А вообще-то человеку Богом дан Дар вечной молодости! Но поскольку люди об этом давно забыли, то называют его Секретом вечной юности!

Женщины прекратили коллективную истерику и уставились на Ландауна.

Ландаун сказал, твердо глядя в глаза Ларисе:

– У тебя будет преимущество перед всеми молодыми. Они просто молоды, а у тебя, кроме молодого тела, будет еще мудрость и жизненный опыт. А еще ты сможешь поделиться Секретом вечной молодости с мужем, и вы будете счастливы вечно!

– И ты знаешь этот секрет? – спросила Гюльчетай.

– Конечно! – загадочно улыбнулся Ландаун, хотя ничего он не знал, но таков был его творческий метод – сначала надо пообещать, а потом уж сделаешь – деваться некуда.

Водрузив Ларису обратно на диван, он начал развивать мысль хоть не с Адама и Евы, но со времен древней Гипербореи:

– Про гиперборейцев известно, что они не трудились, а проводили время в празднествах и служении богам. Что они жили, пока им жизнь не приедалось, а еще умели летать!

Ландаун на всякий случай сделал движение рукой, чтобы перехватить Ларису, если она вновь попытается сбежать, но женщина слушала внимательно и даже прокомментировала:

– Ну, если не трудиться, тогда можно долго жить!

Успокоенный, Ландаун продолжил:

– Когда гиперборейцу надоедала жизнь, он бросался с обрыва в море, окружавшее их остров. Но это, конечно, лишь неправильно понятая метафора. На самом деле уставший от жизни гипербореец растворялся в окружающем нас океане информации. Вода – это символ информации.

– Как Иисус вознесся на небо? – спросила Лариса.

– Э-э. Возможно. Все сказки, которые повествуют о молодильных яблочках, живой и мертвой воде, преображении дурачка в царевича в ухе Сивки-бурки и тому подобном – имеют гиперборейскую основу. Поэтому начнем...

– С Конька-горбунка! – подсказала Лариса.

Ландаун раскрыл первоисточник:

*Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, —
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,*

*А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»*

Когда Ландаун закончил декламацию, Лариса спросила с восторгом и ужасом одновременно:

– Ты заставишь меня искупаться в молоке голой на людной площади?

– Не сейчас, – ответил Ландаун. – Как настоящий ученый, я хотел поставить опыт на себе. Но тут вспомнил своего тестя.

– А что тесть?

– Он уже провел такой опыт – как-то в бане обварил весь бок, так у него кожа слезла, а потом сменилась молодой, розовой, как у младенца!

– Шпарить будешь? – мрачно сказала Лариса.

– Я лишь хотел обратить твоё внимание, что омоложение возможно и достижимо. Впрочем, использовать контрастный душ ты начнешь уже сегодня. Сначала обливайся водой горячей, насколько сможешь терпеть, потом холодной – и так несколько раз, расширяя диапазон переносимой температуры и улучшая состояние поверхностной кровеносной системы.

– Что-то такое я уже слышала или читала! – задумалась Лариса. – Да, это у Голтиса было. Он натренировал свое тело так, что оно выносило совершенный кипяток и совершенно ледяную воду.

– Этот Голтис, видимо, толковый парень. Ты мне о нем расскажешь.

– Но чтобы тело стало таким выносливым, надо есть настоящую пищу, – припомнила Лариса. – А не мертвую пищу из супермаркета.

– Тоже верно! К счастью, у нас в поместье пища живая, своя. Ты продолжай вспоминать, а пока важно вот что. Три котла Конька-горбунка – это, с одной стороны, реальные котлы, с которых начала развиваться банная традиция, но с другой стороны – это метафора, символ. Котел со студеной водой символизирует физическое тело, которое надо очистить. Котел с вареной водой – душу, сферу информации, а также эмоций и чувств, которые суть концентрированная, свернутая информация. Они также нуждаются в очистке. Котел с молоком содержит ключ ко всему – это наш дух, наше намерение, наше творческая суть, искра Божия. И все они должны быть приведены в состояние первоистоков.

– И с чего начнем?

– С простого! – улыбнулся Ландаун.

– Папа, а достроить иглу – это простое? – невесть откуда возникла Матрена.

– Чуть позже, дочка, что-то я выпал из архитектурного творчества.

– Так и зима пройдет! – вздохнула Матрена.

– Не пройдет! – успокоил ее отец. – Обязательно успеем!

– А какой Ландаун ларискины сапоги в печку поставил? – с кухни появилась Гюльчатай с двумя обгоревшими голенищами от Армани.

– Я вот... как бы это... – замялся вольный философ.

– Будем считать, что это сгорела моя лягушачья шкурка! – философски отметила Лариса.

Котел 1-й. Тело

С утра Ландаун отправился колоть дрова, а Лариса их носила и складывала в поленищу. Бросаясь с колуном на кряжи, Ландаун представлял их эгрегором толпы на революционной площади, поэтому щепки летели во все стороны, как после взрыва гранаты Ф-1. Угнаться за разошедшимся хозяином было нелегко, поэтому Лариса носилась бегом, лицо ее на морозе покраснелось, а глаза от азарта сияли. Время от времени для передышки Ландаун ставил колун на пенек, поднимал вверх указательный палец правой руки, и в этой позе к нему автоматически приходила очередная мудрость:

– Чтобы понять некоторые истины, нужно вдохновение, нужна радость жизни. А откуда берется в организме радость?

– От свежего воздуха! – выпалила запыхавшаяся Лариса.

– Ну, конечно, конечно. Если не давать телу свежего воздуха, чистой воды, полезной пищи, то в организм чахнет и никакую радость испытывать не способен. Но в дополнение ко всему есть научный факт: при работе крупных мышц тела выделяются гормоны удовольствия...

– Эндорфины, – закончила мысль Лариса.

– Ты все знаешь лучше меня! – улыбнулся Ландаун. – Когда мы закончим наше исследование, ты скажешь: «Я же всегда это знала!»

В это время опять появился Михалыч и свесил свою бороду через зеленую изгородь, что твой Конек-горбунок:

– Здравствуй, сосед! Как продвигается твой эксперимент?

– А что уже всем все известно? – удивился Ландаун и обратился к Ларисе. – Проболталась?

– На Лариску не греши! – сказал Михалыч, хотя их никто не представлял друг другу. – Там за вами следят. – Он поднял глаза к небу. – И волнуются.

– Могли бы и подсказать, – вздохнул Ландаун.

– Подскажут! – подбодрил исследователей Михалыч. – А насчет этих р-революционеров. Эх, в мое время их бы посадили на гауптвахту суток на 20 – и все бы белые ленточки с них осыпались.

Михалыч ушел, а Ландауна осенило:

– Гауптвахта! Лариса, я хочу рассказать тебе одну историю.

В молодости я служил в армии в монгольском городе Улан-Баторе. Кстати, мой сын сейчас служит в Бурятии буквально в 200 км от того места, где служил я. Что-то, видимо, связано у нас в роду с этими местами. Но дело не в этом. Кто-то приходит в армию служить Родине, а кто-то в армии убивает время до дембеля. Ну и с такими, конечно, происходят разные истории, за которые командиры наказывают их гауптвахтой от 3 до 28 суток. И на что я обратил внимание – эти штрафники приходят с губы... помолодевшими. Им и так всего по 20, а выглядят на 15—16, не больше. Что такое гауптвахта? Весь день строевая, весь день на морозе, на еду дают 15 секунд, спят без одеял – короче, по-всякому над контингентом издеваются, чтобы баловать неповадно было. Но результат говорит за себя. Никакой санаторий не дает такого оздоровительного эффекта. Кто-то, конечно, и пальцы отморозит, и с губы прямо в санчасть, но это уже издержки производства. Поэтому...

Ландаун выразительно посмотрел на Ларису. Та запаниковала:

– Ты хочешь отправить меня на гауптвахту? – и ее глаза расширились до немыслимых мультяшных пределов.

– Тебя не возьмут, ты же не военнообязанная, – вздохнул Ландаун, сожалея, что такое простое решение оказывается таким недоступным. – Но мы можем понять механизм и воспроизвести его в домашних условиях.

– Давай пойдем! – Лариса облизнула пересохшие губы.

– Чем отличается молодость от старости? Когда ребенок только родился, все его клетки молодые, им не больше 9 месяцев. Когда человек вырос – баланс клеток смешается в сторону более возрастных. И в старости у него уже больше старых клеток – больных, зашлакованных, ослабленных. Гауптвахта – это стресс. Стресс в целом для организма переносимый, но для отдельных клеток он смертелен. И погибают, в первую очередь, старые и больные клетки. Баланс смещается в сторону молодых и сильных. Значит, задача в том, чтобы устроить организму такой стресс.

– Баню! – воскликнула Лариса.

– Например, баню, – согласился Ландаун. – И нашим предкам хватало банной процедуры, чтобы жить по 300 лет и более. Вон Михалыч рассказывал, что еще при Петре I специальные отряды отлавливали и уничтожали 300-летних стариков, чтобы те не рассказывали молодежи, как жилось в старое время. Но тогда люди жили в других условиях, в другой экологии, в другом ритме. Сейчас одной бани уже не хватает для достижения вечной молодости.

– Почему ты так думаешь?

– Любителей бани сохранилось много, а до 300 лет никто из них не доживает. Ты включай методологическую рефлексию. Ведь Секрет вечной молодости – это не рецепт лекарства, данный раз и навсегда, это творческий подход, который надо практиковать и совершенствовать всю жизнь.

– Да-да, помню, ты еще в университете этой методологией увлекался, – ответила Лариса.

Методов устроить стресс организму они вспомнили великое множество. Граф Калиостро применял какое-то химическое средство, от которого у человека сначала выпадали все волосы, ногти и зубы, а потом вырастали новые. Но времени на опыты по изобретению такого снадобья у Ландауна не было, да и риск укокошить пациентку был слишком велик. Оставались естественные виды стресса, которые всегда сопутствуют живым организмам – физическая нагрузка, высокие и низкие температуры, голод, жажда. Ландаун остановил свой выбор сразу на всем. Он предложил 10-дневное голодание, причем первые 3 дня – без воды. При этом сохраняя физическую активность в смысле работ по хозяйству, которых он тут же изобрел с избытком. И, разумеется, контрастный душ для бодрости.

Лариса, послушно тренируя методологическую рефлексию, так объяснила себе смысл процедуры:

– Жажда – более быстрый стресс по сравнению с голодом, обезвоживание сразу вызовет гибель старых клеток. Да, кстати, если в организме есть паразиты, грибки, патогенная микрофлора – они тоже начнут погибать. А следующие 7 дней нужно большое количество воды, чтобы продукты разложения всего старого, ненужного и больного вывести из организма. Но поскольку это серьезная нагрузка на печень и почки, то предлагаю предварительно эти органы почистить.

– Я же говорил, что ты это знаешь лучше меня!

– Для этого есть доступная и успешная методика Семеновой, – продолжила Лариса. – Я сейчас найду подробности в интернете.

– Ну, вот видишь – все кирпичики у нас уже есть, нужно только их собрать в здание, – улыбнулся Ландаун

– А входить в голодание лучше по Голтису – три дня салаты, три дня – соки, потом – по твоему плану.

Две истории про коров и кур

Так они и поступили. Ландаун, живущий в естественной среде, проходил все процедуры легко, почти не отрываясь от привычного распорядка, в котором появилось к тому же дополнительное время на чтение, мышление и творчество вместо приготовления и поглощения пищи. Ларисе было трудней, сказывалась городская жизнь, но она честно держалась, хотя иногда ее пошатывало, и Гюльчетай бросалась поддержать ее. А на третий день без воды Лариса просто горела.

– Это нормально! – посмеивался Ландаун. – На заре авиации, когда в кабинах самолетов не было не только кондиционеров, но даже отопления, полярные летчики нашли хитроумный способ переносить мороз. Они меньше пили. Организм обезвоживался, и вода – а точнее раствор разных веществ – в нем не замерзала, не образовывались кристаллики льда, которые разрушали ткани, вызывали болевые ощущения. Так что летчики вполне сносно чувствовали себя на ветру и на морозе.

На пятый день Ларису осенило:

– Вспомнила!

– Прошлую жизнь? – заинтересовался Ландаун.

– Кто сапоги в печку поставил? – предположила Гюльчетай.

– Нет! Вспомнила, где я это уже слышала! У меня было ощущение дежа вю, того, что это со мной уже когда-то было.

И Лариса рассказала удивительную историю одного старого ветеринара.

Много лет оказывая помощь самым различным животным от лошадей до кроликов и от мышей до гадюк в областном серпентарии, он уже зрелым специалистом оказался в ситуации, когда ничего не мог сделать. Его пригласили в один из колхозов-миллионеров, где захворали две коровы-рекордистки, всеобщие любимицы и гордость не только деревни, но и района и области. Председатель колхоза и зоотехник были готовы на все, чтобы Зорька и Ночка выздоровели, но что делать – не знали. Не помог в установлении диагноза и весь опыт нашего ветеринара. Но горе сельчан было так неподдельно, что он вдруг вспомнил уроки своей бабушки-травницы.

Когда он был еще мальчишкой, бабушка старалась ему передать свой опыт в целении людей и животных. Он не придавал этому значения, образ врача, спасающего больного микстурой и таблеткой, уже глубоко сидел в сознании его поколения. Но детская память впитывала бабушкины слова, словно губка. И вот в нужный момент решение всплыло из памяти. Он решил рискнуть. Попросил всех удалиться из коровника, а сам остался. Три дня не давал он коровам ни есть, ни пить, несмотря на жалобное мычание и прочие по-женски выразительные, намеки, взгляды и жесты. Потом неделю давал только воду. Буренки совсем отощали, но в них появилась жажда жизни. Они с удовольствием набросились на свежую зелень, снова стали давать рекордные удои и, как выяснилось потом – прожили и прослужили вдвое больше отведенного коровам срока. То есть фактически получили еще одну полноценную жизнь.

В другой раз ветеринара пригласили на птицефабрику. Когда фабрику построили, то закупили полный комплект кур-несушек, и они честно неслись на протяжении своего куриного века и (как водится, неожиданно для руководства) всем коллективом одномоментно подошли к предпенсионному возрасту. Нестись они перестали, на мясо не годились, птицефабрика несла убытки, начальство хваталось за голову. Позвали нашего ветеринара, и он вспомнил свой опыт с коровами.

Он попросил всех выйти из курятника...

– Ну, ясно, дальше мы услышим ту же историю 3+7 дней, которая подарила несушкам вторую жизнь! – рассмеялась Гюльчетай.

– Да, – подтвердила Лариса. – Куры снова начали нестись, и прожили бы еще одну жизнь, если бы начальство, наученное горьким опытом, не провело постепенную смену кур-состава.

– Замечательно! – сказал Ландаун. – Это подтверждает основную гипотезу. Мы на верном пути. Но все-таки это только начало. Первая встряска организма. Следующий шаг – научиться слушать свой организм, почувствовать заново вкус всех продуктов. Чтобы организм понял, что он на самом деле хочет, что ему нужно – какая вода, какая пища. Только твой организм знает, что ему надо – не врачи и не диетологи.

По окончании процедуры 3+7 изрядно посвежевшая и постройневшая Лариса вертелась перед зеркалом и восторженно ахала: она сбросила 5 кг, вошла в свою старую юбку и вообще чувствовала себя прекрасно.

– Ну, положим, сбросить вес в нашем деле было не главное, – философски заметил Ландаун, но Лариса не дала ему договорить:

– Нет, главное! – и бросилась примерять следующую юбку.

В эту секунду Ландаун пожалел, что отказался от палки тибетского гуру. Россия все еще была в опасности, а экзальтированная особа женского пола отвлеклась от великого дела на первой трети дистанции, все внимание переключив на старые шмотки.

Впрочем, скоро некое событие вернуло ему оптимизм.

С кухни донесся тихий (как казалось говорившим) шепот.

– Гюльчетай, у тебя прокладки есть? Дай мне.

– А что? Началось?

– Я же думала, у меня все закончилось, навсегда. Кто же знал, что у вас тут такие дела творятся?

«Что ж, революция женских прокладок вступила в новую фазу! – подумал Ландаун. – И теперь в ней льется нужная кровь...»

А вслух сказал:

– Нечего там секретничать. Ты, Лариса, обязана мне сообщать все данные по нашему эксперименту. Как говорят немцы, женщина не должна стесняться врача, священника, мужа... и Ландауна, – добавил он отсебятины.

– А как ты услышал-то? – удивилась Гюльчетай.

– Организм очистился, чувства обострились. Во время голода в Поволжье в первые годы Советской власти обоняние людей позволяло им учуять подводу с хлебом за много километров. Так и я прекрасно все слышу. А у Ларисы после очищения голос стал ярче и громче, поэтому шепот ее – и раньше-то театральный – теперь чистая дань условностям.

– А у тебя волосы на макушке отросли, – заметила Гюльчетай.

– Это не единственное, что тебя удивит...

Котел 2. Душа

До выборов президента оставался один месяц, один месяц до решающей схватки. Все участники лихорадочно готовились, глушили друг друга найденным и придуманным компроматом, выбирали места, где лучше организовать шествия, а где посадить снайперов, и только у Ландауна еще, как говорится, конь не валялся.

Хотя как раз конского топоту было в достатке. Лариса, как та златогривая кобылица из «Конька-горбунка» носилась по заснеженным полям на лыжах, каталась с Матреной с горки и вообще наслаждалась легкостью и здоровьем и была в нетерпении копытом, порывалась срочно ехать в город искать себе мужа или любовника. Но трезвость Ландауна не давала ему остановиться на полпути.

– При городском образе жизни всю эту легкость и молодость ты растеряешь в считанные недели, если не прочистить голову. Форму физического тела...

– Я в прекрасной форме!

– Форму физического тела можно сохранить, только если жить правильно. А для этого надо понимать причины человеческого поведения.

– Ладно, давай, учи! – Лариса уселась за стол и сложила руки перед собой друг на дружку как прилежная ученица.

– Как физическое тело состоит из клеток, так и душа состоит из некоторых частей, назовем их... например, мегастопами, которые так же могут быть здоровыми и больными, заполненными чистой, светлой информацией или всякой грязью и негативом.

– Ну, все! я поняла! Сейчас мы также будем мучить больные и грязные мегастоны жаждой и голодом, пока они не протянут ноги. Так? – Лариса была очень довольна своей методологической рефлексией, но ее веселость и легкомыслие были не совсем удачны в таком тонком и кропотливом деле, как очищение Добра от зла, отделение зерен от плевел, мух от котлет.

Ландаун и Гюльчетай переглянулись, и Ландаун торжественно объявил:

– Лариса, ты совершенно права. Именно этим мы сейчас и займемся. Поэтому ты будешь молчать девять дней!

– Целых девять дней? – возмутилась Лариса.

– Десять дней! – добавил Ландаун.

– Отдай мой паспорт и отпусти меня домой!

– Одиннадцать дней!

Лариса поняла, что так считать Ландаун может долго, и приняла неизбежное.

– Кх-м.

– Вот и хорошо! А теперь постараемся понять, почему именно так. Ведь также как заботиться о теле тебе придется всю твою долгую счастливую жизнь, точно также тебе самостоятельно придется заботиться о чистоте твоей души. А чистота твоей души – это залог приятного и благожелательного отношения к тебе твоего мужа, к которому ты недавно так рвалась.

– Так почему все-таки молчание? – озвучила Гюльчетай вопрос, созревший в глазах Ларисы. Та благодарно кивнула ей.

– Светлые и чистые мегастоны содержат информационную базу, которая помогает нам в светлых созидательных делах, а также программы-алгоритмы исполнения этих светлых дел. Они несут благо всем людям, а в конечном итоге и всей Вселенной, так что Вселенная заинтересована в их существовании и подпитывает их своей энергией при их исполнении. Чем чаще ты творишь Добро, тем больше эти программы, а лучше сказать – правила от слова «Правь» – получают энергии Вселенной.

– Логично! – перевела Гюльчетай одобрительное мычание Ларисы.

– Темные деструктивные программы не получают энергии Вселенной, энергии Любви, потому что нацелены только на самих себя, их отличительная черта – эгоизм, самость. Вселенная им не отказывает, энергия Любви разлита повсюду, но эти программы не способны ее воспринимать. Для питания им нужны энергии гордыни, зависти, злобы, раздражения, гнева и т. п. И они добывают их, даже если при этом вредят своему «хозяину». Зависть и злоба подпитывают программу, но одновременно подтачивают и сжигают здоровье человека.

– Но ведь они этим и свое существование укорачивают?

– Нет, при этом они размножаются. Излитая злоба поселяется в другом человеке, потом распространяется дальше. Как остановить ее рост? Забыть про нее. Выйти из привычного информационного поля, прекратить общение, – Ландаун улыбнулся Ларисе. – Все святые уходили в пустыню, кто на 40 дней, кто на год, чтобы очиститься от этих программ.

– Ты хочешь сделать меня святой? – спросила Лариса устами Гюльчетай.

– Конечно.

– А как же я тогда выйду замуж?

– Идея, что святым один путь – в монахи, выдумана темными силами, чтобы святые не размножались. На самом деле именно святым нужно иметь семью, детей, именно они способны к Любви и созиданию.

– Блин! – перевела Гюльчетай эмоциональный жест Ларисы. – Блин! Блин! Блин! Почему я раньше об этом не догадалась?

– Скоро ты будешь знать гораздо больше. 11 дней ты проживешь вон в той баньке, одна в тишине, только под свист ветра и скрип дверей. Без мирских дел и забот, даже еду тебе будет приносить Гюльчетай и ставить в сенях. Твои программы от информационного голода взвоят и набросятся на тебя, но силы их быстро иссякнут без подпитки. Ты выйдешь обновленной, чистой, светлой.

Лариса послушно пошла в баньку.

– погоди! – остановил ее Ландаун. – Есть еще одна тонкость! Как ты правильно отметила, голод уморит негативные программы, но позитивные, созидательные правила надо подпитывать, наращивать, лелеять.

– То есть надо позитивно мыслить? – предположила Гюльчетай.

– Чтобы позитивно мыслить, нужно иметь чем...

– Ты опять намекаешь на недостатки женской логики, типа у женщин голова, чтоб прическу носить, а не чтобы мозгами думать... – завелась Гюльчетай, а может Лариса.

– Да не об этом я! – махнул рукой Ландаун. – Думаем мы словами. Слова как клавиши на рояле – есть черные клавиши, а есть белые. Сейчас у людей рояли испорченные – разных ругательств, подколов и подначек даже дети знают очень много, на их клавиатуре сплошь черные клавиши, а белых клавиш – всего, может быть, десяток.

– Не может быть!

– Ну, назови десять хороших слов, которые ты могла бы применить к себе, – предложил Ландаун.

Гюльчетай загнула первый палец:

– Я красивая... – и вдруг задумалась. – Э-э... добрая, заботливая... э-э

– Ласковая! – не выдержав, подсказал Ландаун и загнул ей четвертый палец.

– Я сама! – запротестовала Гюльчетай и с немой подсказки Ларисы заявила, – Сексуальная?

– Только русские слова или слова родного языка!

– То есть татарские можно?

– Конечно, – разрешил Ландаун. – По своим корням русский и татарский очень близки. Например, татарское «ани» (мама) в русском соответствует местоимению «она», которое употребляется по отношению к женскому началу.

– Ладно. Тогда я не сексуальная, я – желанная! Я – женщина! Это хорошее слово?

– Замечательное!

– Я – она, я – ани, я – мама, я – солнце, я – небо, я – каждый цветок в нашем поместье, я – каждый поцелуй на твоей щеке. Я – звезда над твоей головой. Я – тишина, что помогает тебе думать, я – пенье птиц, что будит тебя утром...

Ландаун слушал эту поэму, открыв рот.

– Ну, что, набрала я десять хороших слов? – Гюльчатай нежно пальчиком закрыла ему рот, но зубы все-таки склацали.

– Да! – помотал головой Ландаун и обратился к Ларисе. – Ну, вот что-то в этом духе. Главное, чтобы у рояля нашего сознания было в достатке белых клавиш, чтобы играть на нем мелодию добрых мыслей. А теперь иди... – напутствовал он свою послушницу, – в баню!

Лариса в задумчивости удалилась. В баньке было тепло, но не жарко. На полке разложена постель. В предбаннике аккуратно сложены дрова, так что можно было прожить здесь спокойно целый месяц. Лариса щелкнула выключателем, свет не зажегся, Ландаун лампочку предусмотрительно выкрутил. Теперь у нее был только дневной свет и долгая звездная ночь.

Две истории про билет и карты

– А хватит 11 дней? – спросила Гюльчетай.

– На полную очистку уходят годы, а вообще этим занимались целую жизнь. Но в качестве своего рода душевной клизмы, разовой экстренной очистки вполне сойдет. Самые простые программы-паразиты исчезнут, этого хватит, чтобы она почувствовала себя парящей.

Ландаун вспомнил, как он первый раз ставил себе душевную клизму, и рассмеялся.

«Смех без причины – признак... моего мужчины», – подумала Гюльчетай. И сказала:

– Расскажи! Ну, расскажи, я же вижу, что что-то вспомнил!

Тогда Ландаун ушел в лес на 9 дней. Как и положено по технологии, он не занимался ничем, кроме борьбы с комарами, а потом и ее бросил. Точнее, комары бросили. Проведя курс иглорефлексотерапии, они восстановили ему все энергетические меридианы, сами для себя сделали его недоступным и потеряли к нему всякий интерес. Он к ним тоже. Ландаун лежал на солнышке, слушал шум ветра, шепот трав, стрекот кузнечиков, перекатывающиеся басы далекого грома.

– После этой симфонии я долго не мог слушать никакую музыку, – признался Ландаун. – Даже Бетховена и Брамса, которых очень любил. Мне все стало казаться искусственным. Да и сейчас кажется. Я только иногда за компанию что-нибудь послушаю полчаса. Но сам не включаю, нет.

В те времена, когда Ландаун включал компьютер, у него был ритуал: прежде, чем приступить к работе, он раскладывал пасьянс «паук» и на основании одного делал глубокие выводы об удаче на сегодняшний день. Ежедневное повторение невероятно усилило паразитическую программу, и без нее у Ландауна уже не было настроения работать, программа прочно брала его под контроль и после появления приветствия Windows на автомате щелкала нужную иконку и, только получив порцию внимания и энергии, отключалась довольная. После 9 дней освобождения мысли программа из сознания исчезла. Исчезли все копии и установочные файлы.

– Деинсталляция была настолько полной, что я не смог вспомнить правила игры, – восхищался Ландаун. – Для таких простеньких программ девяти дней хватает. Конечно, для ликвидации программ зависти, ревности, праздничной пьянки может понадобиться больше времени – 3 или даже 6 месяцев. Но пример с пасьянсом самый наглядный, чтобы показать, что подход правильный.

Другая программа, на первый взгляд простенькая и невзрачная, показала свою силу как раз перед тем, как Ландаун отправился очищать сознание. Собственно, осознание замусоренности сознания и было связано с действием этой программы. Называлась она «счастливый билет». Мы все, приобретая билет в общественном транспорте, проверяем его на совпадение сумм цифр первой и второй половины, а при совпадении радуемся и считаем, что теперь уж нам точно будет сопутствовать удача. Ландауну однажды три раза подряд попался «счастливый билет», причем было это в пятницу, тринадцатого, в день лунного затмения в Никарагуа. В итоге плюсы сложились с минусами и ничего особенного не произошло. Но все это заронило в душу философа сомнения в верности приметы, и он сделал роковую попытку... Он решил не смотреть на цифры, и не считать сумму, и не сравнивать, и вообще... Вот тут-то и началось. За безобидной приметой сидела настоящая программа-монстр. Конечно, монстром ее сделал сам Ландаун многолетним следованием ритуалу и верой в него, и таким, по-человечески понятным, свойством надежды на счастье. Вот на этом-то нас и ловят, вот так и цепляют на крючок. Программа-монстр пришла в ярость и показала Ландауну, на что она способна. Его реально скрючило, его ломало, как наркомана, рука тянулась развернуть билет, а глаза сквозь бумагу пытались угадать цифры. Настроение

упало ниже пола автобуса. Вот ведь какими средствами программы могут нами манипулировать! Но философ-стоик стоек (извините за каламбур), Ландаун выдержал неравный бой, а на следующий день решил его сделать еще более неравным, но уже в свою пользу, схватил рюкзак и отправился в лес.

– Программа с тех пор себя не проявляла, но на всякий случай я не смотрю на билет в автобусе вообще, – раскрыл тайну Ландаун. – Что-то мне подсказывает, что семена ее остались, и не дай Бог полить их дождиком внимания – взойдут буйной порослью. Надежда на счастье в самых глупых вариациях в человеческом сердце неистребима. Так в клубах «анонимных алкоголиков» участники признают, что они алкоголики навсегда, но что держаться им помогает участие и поддержка членов сообщества.

– Маленький ты мой! – пожалела его Гюльчетай и погладила по волосам. – Счастливобилетный алкоголик!

– Смейся-смейся! А после выхода из леса я почувствовал себя парящим! – продолжал Ландаун. – Я даже не знаю названий и алгоритмов всех тех программ-паразитов, которые с меня осыпались, как осыпаются пиявки, присосавшиеся на кожу купальщика, когда на них действует жар и свет Солнца. Но, видимо, их было много. И я почувствовал огромный прилив энергии, которая ранее уходила на их подпитку. Тогда я и начал понимать, что говорит мне Бог.

Прошло 7 или 8 дней. Звездной ночью Ландауну не спалось. Хрустя по снегу валенками, он вышел во двор полюбоваться на Луну и Млечный путь. Ну и обновить метки на территории. И вдруг заметил возле бани движение. Нагая Лариса босыми ногами бегала по снегу, толи танцуя, толи заклиная стихии, а потом упала в сугроб и долго лежала, глядя на звезды. Ландаун уже начал беспокоиться, не замерзнет ли она, но Лариса вскочила и бросилась в баню.

Ландаун вернулся под одеяло, под теплый бок Гюльчетай и сказал толи ей, толи в пространство:

– Лариса становится богиней!

– Что? – спросонья спросила жена.

– Я уже не все понимаю, что она делает. И я не все могу предусмотреть.

Котел 3. Дух

Критический срок приближался, Ландаун чувствовал, что не успевает.

– Бог мой! – взмолился он. – Подскажи, что мне делать. Через два дня начнется хаос, а мы с Ларисой не только не нашли ей мужа, но даже не успели подойти к самому важному в Даре вечной молодости, к котлу Духа.

«Что тебе сказать, сын мой! Просто делай свое дело и верь. Пока не пробил час, все еще может случиться. Явление Духа – это всегда чудо!»

Ландаун честно сказал Ларисе:

– Мы не успеваем! Завтра выборы, и как бы они не прошли, их объявят сфальсифицированными. Это большая игра. И в этой игре я могу нанести только точный булавочный укол, который заставит чуть дрогнуть руку соперника во время решающего удара. Но у меня даже булавки нет. Я все еще не помог найти тебе мужа и любовь, и мне не с чем выйти к людям, чтобы отвлечь их от дурости не нужной стране революции.

– Есть с чем! – ответила Лариса.

– Ты думаешь?

– Я думаю – не зря три котла в сказке поставили на площади, при скоплении народа. Дух – это проявление всеобщей связи бытия и способности к развитию. На площади мы найдем то, что ищем. Дух, Любовь, Счастье, Свободу!

Ландаун поглядел на женщину с восхищением.

– Женщина без Любви – это всего лишь биологическая оболочка, – продолжала Лариса, – модель женщины в натуральную величину. Она говорит как женщина, ходит как женщина, но это еще не женщина. Когда в душу приходит Любовь – тогда все меняется. Тогда женщина становится женщиной, богиней, которая творит мир, себя, своего любимого, свой род. У такой женщины светятся глаза, вокруг нее распространяются волны нежности и лада! Я выйду на площадь и скажу всей Вселенной, что я готова стать богиней, что я готова впустить Любовь в свое сердце! Может, вся эта революция нужна только для того, чтобы мой любимый пришел на площадь и нашел меня, снова увидел яркие краски мира и свое будущее счастье!

– Давай сделаем это! – сказал Ландаун.

Трудность заключалась в том, что российская оппозиция имеет отношение к борьбе, но не имеет отношения к истине и свободе. Попасть в список заявленных ораторов на митинге не было никакой возможности. Хотели выступить и правые, и левые, и юристы, и сыновья юристов, и борцы с юристами. Толпа была сконструирована так, что почувствовать себя под ее величественной сенью хотелось всем, а после того, как толпа отслужит свое, то сама распадется под действием проявившихся противоречий, как будто ее и не было. И не будет мешать своим создателям и руководителям делать то, ради чего все и затевалось.

– Не могу пробиться в списки выступающих! – пожаловался Ландаун Михалычу.

– Пробьешься! – улыбнулся тот в седую бороду. – У тебя сотовый с собой? Дай-ка сюда!

Не успел Ландаун подать ему телефон, как тот зазвонил.

– Я тут дал твой номер кое-кому, чтобы меня могли найти, – объяснил старик и ответил. – Михалыч у аппарата! Слушаю вас.

Громкость была достаточная, чтобы Ландаун мог разобрать, что говорит один из организаторов митинга – не тот, к кому обращался сам Ландаун, а рангом повыше – и предлагает выступить Михалычу от имени экологического движения.

– Эх, сынок! Стар я на митингах выступать, от меня придет человек, – увесисто сказал Михалыч. – Но ты пойми, что он будет говорить о своем, о насущном. О Любви, о Счастье, о Даре вечной молодости!

– Замечательно! – воскликнул организатор. – Нас это устраивает.

– Вот и договорились! – Михалыч выключил телефон и подмигнул Ландауну. – Он еще не понимает! Впрочем, каждый в меру понимания работает на себя, а в меру непонимания – на того, кто понимает больше! – И Михалыч улыбнулся вверх той непостижимой и любящей силе, которая понимала все.

– Папа, уже весна! Когда мы будем строить снежный домик иглу? – спросила Матрена.

Ландаун не смог найти, что сказать, его выручил Михалыч:

– Сейчас и построим, дочка! Папе некогда, у него завтра революция. А мы с тобой сами справимся! У нас с тобой времени много.

– А ты умеешь? – с подозрением спросила девочка.

– Да я жил в такой избушке 20 лет, – улыбнулся Михалыч.

Две истории о том, что произошло на площади

Денис Сазонов с детства хорошо стрелял, во дворце пионеров занимался в стрелковой секции. Поэтому на чеченской войне он был снайпером – причем сначала на одной стороне, потом на другой. А потом обнаружилось, что нет двух сторон, что есть спектакль абсурда, кровавый театр, в котором как гладиаторы, бьются друг с другом ничего не понимающие пацаны на потеху и прибыль зрителям и ценителям игры под названием геополитика. Денис уже не понимал, на кого он на самом деле работает – на ЦРУ, ФСБ, наркомафию или террористов – настолько все тесно переплелось и перепуталось. Ему просто говорили, в кого стрелять, он наводил прицел и нажимал спусковой крючок.

На этой площади он был запасным вариантом, официально он был в числе сотрудников службы безопасности, которые должны были охранять митингующих от эксцессов. Но неофициально Денис имел дополнительное задание. Если потребуется, если поступит команда, он должен был открыть огонь по толпе и ОМОНу, с целью спровоцировать панику и беспорядки. Когда это может понадобиться он, в принципе, понимал. Россия – страна большая, и в революцию в России вложены большие бабки, очень большие бабки. И еще большие бабки обещаны в качестве отступных после победы революции. На кону стояло ни больше ни меньше, чем судьба планеты. Если Китай сговорится с Россией – это один расклад сил, если Россия примкнет к Западному конгломерату – совсем другой. Запад всегда любил воевать чужими руками, а здесь он одним махом мог решить и китайский вопрос, и русский. Нитуп воевать не хочет, Нитуп строит газопроводы в Корею, Китай, по дну Балтийского моря. Он хочет богатеть, он хочет диктовать свою волю, но воевать не собирается. Значит, Нитупа надо убрать. Любой ценой. Любая цена не будет слишком большой в такой игре. Если удастся революционерам завести толпу и расшатать власть митингами и относительно мирным битьем витрин – хорошо. Если не удастся – надо стрелять. Кровь всегда вызывает к мести. И всегда отключает разум. Кровь на снегу, кровь на белой ленте – вот окончательный символ «снежной революции».

Насколько Денис понимал ситуацию, Нитуп не уступит, он теперь в касте неприкасаемых, прокаженных, нерукопожатных для Запада. Запад сгинул и сам загнал его в угол. Теперь, если Нитуп уступит, он разделит судьбу Милошевича и Каддафи. А может Запад сознательно демонизирует Нитупа, чтобы сменить власть в России быстро и кардинально, чтобы будущим российским руководителям не повадно было даже играть в самостоятельность, чтобы даже думать о ней было бы страшно и противно, как о... мужеложстве. Значит, придется стрелять. Может сегодня, может через неделю. Денис очень тщательно спланировал пути отхода. И он знал, что такое же задание получил не он один. Вокруг площади наверняка посажено еще 3–4 снайпера. Руководители проекта сознавали, что умом Россию не понять, у русского, тем более на родной земле, всегда может проснуться совесть, любовь к Родине и еще сотня не известных науке болезней. Поэтому они всегда подстраховывались.

Лариса не волновалась, ее распирало какое-то незнакомое, а, может быть, давно забытое чувство. Сердце колотилось, а голова была удивительно ясная, даже зрение обострилось. Она отчетливо различала людей в темной форме на крышах домов и за стеклами верхних этажей. «Охрана!» – подумала она и забыла про это. Это все не имело значения, сейчас на нее снизойдут Дух и Любовь.

Ландаун начал свою пятиминутную речь, подавившись и закашлявшись. Даже старому казаку, пофигисту-философу видеть перед собой многотысячную толпу, ждущую – принять

или освистать тебя – это достаточно суровое испытание. Лариса послала напарнику свет и тепло, и голос вернулся к Ландауну.

– Вы пришли сюда потому, что ненавидите Нитупа. Но есть более глубокая причина вашего присутствия здесь. Вы хотите быть счастливыми, быть любимыми, быть свободными. Вы надеетесь, что сегодняшний день станет шагом на пути к счастью. И вы правы. Я привел вам живое доказательство счастья. Посмотрите на эту женщину, полную молодости, сил, вдохновения, с сияющими глазами богини. Неприлично интересоваться у дамы о ее возрасте, но сегодня это правило устарело. Я хочу, чтобы вы догадались, сколько ей лет. И после этого вы много интересного узнаете о Нитупе. Давайте! Угадайте! Кто больше?

– Тридцать! Двадцать восемь! – кричали мужчины

– Тридцать два! Тридцать пять! – возражали женщины.

– Вы все правы! И все ошибаетесь! – прокричал Ландаун. – На самом деле ей столько лет, сколько она захочет! Лариса, скажи пару слов!

Лариса обвела всех ликующим взглядом, от которого женщинам стало тепло, а мужчинам жарко:

– Друзья, я так рада вас видеть сегодня! Это такой праздник! Еще два месяца назад я испытала бы сожаление от того, что у вас есть надежда на счастье, а у меня ее нет. Но все изменилось. Два месяца назад мне было пятьдесят лет, и жизнь моя катилась к концу, а сейчас я снова молода, и у меня все впереди.

– Пятьдесят? Не может быть! – шептались внизу женщины.

– Пятьдесят? – уточнил один из руководителей митинга у другого. – Загибает!

– Я думала, для меня уже все кончено. Что я никогда уже не научусь играть на пианино, не побываю на Амазонке, никогда не полюблю, не рожу ребенка. Удивительно, но сейчас я снова хочу жить. Я люблю жизнь. Я сегодня сыграла первую гамму на синтезаторе. Я буду учить языки и ездить по миру. И я смогу объехать весь мир, потому что моя новая жизнь только началась. Я хочу и я могу, теперь я могу родить ребенка моему любимому мужчине, которого я обязательно найду.

– В пятьдесят лет родить? Она с ума сошла!

– Я не верю, что ей пятьдесят. Паспорт бы посмотреть.

– Моя единственная проблема, что в паспорте я выгляжу гораздо старше, и постовые на улицах меня принимают за мою дочь. А все это благодаря вот этому волшебнику, который совершил чудо всего за два месяца. Правда, он и сам два месяца назад был лысым очкастым занудой, а теперь посмотрите на него. В него влюбиться можно!

– Спасибо, Лариса! – рассмеялся Ландаун. Ему стало легко и радостно. – Вот что значит этот день для вас. С этого дня возможно все! Сколько совершено ошибок и глупостей по молодости и неразумию, как вам всегда хотелось вернуться в юность и все исправить, и сказать самые главные слова. Но посмотришь на брюшко, потрешь лысину – и понимаешь, что возврата нет, и сил нет, чтобы начать сначала. Но с сегодняшнего дня все не так. Сегодня возвращение в молодость возможно. И если еще вчера вы могли себя уговаривать потерпеть эту занудную жизнь еще 20 лет до пенсии и 30 до смерти, то сегодня компромиссы уже невозможны. Если жизнь вечна, то она может быть только вечно-счастливой!

– У вас осталась минута! – предупредил ведущий.

– А теперь перейдем к Нитупу! – сменил тему Ландаун.

Денис вначале мало прислушивался к речам ораторов. Они все старались давить на эмоции, глубина мысли ими отторгалась уже на уровне рефлексов. Только такие кадры могли составить пробивную силу революции, только такие кадры могли потрогать протестецки-эгоистичной душе толпы. Таких подбирали, таких обучали разным незамысловатым премудростям – организации связи, быстрой мобилизации, хамскому неприятно цен-

ностей указанного противника. Таких и бросали в бой, как роботов, которые, будучи однажды заведены, до окончания завода отрабатывают вложенную в них программу. Таких было не жалко стрелять. Настолько были очевидны ниточки, за которые их дергали, что разум Дениса отказывался признавать их человеческими существами. Просто марионетки в тире. Ему платят, он выбивает приз.

Но этот смешной философ привлек внимание бывалого киллера. Он почему-то заговорил о счастье, о молодости, о любви. И чувствовалось, что это не демагогический ход, чтобы потом перескочить к политике, а что-то очень важное, что-то глубинное. Денис напрягся, ожидая, что сейчас что-то будет. Но когда это что-то все-таки началось, он не успел заметить. Как и вся площадь, он пропустил удар и поплыл в мыслях куда-то в далекие безоблачные годы, когда еще не было предательства, смерти, боли, а были молодость, весна, любовь, надежда.

А, может быть, дело было в этой девушке, которая сопровождала философа, а однажды взглянула прямо в глаза Денису, словно могла видеть его без всякой оптики. И этот взгляд настиг его как выстрел – прямо в лоб. Он помотал головой, приходя в себя. Он уже давно вычислил своих коллег по снайперскому цеху, двое на крышах, один на 6 этаже здания банка. В оптический прицел Денис заметил, как среди организаторов митинга началась какая-то суета, им звонил кто-то наблюдавший за всем из-за кулис и явно понимавший больше, чем сержанты и фельдфебели армии революции. «Его убьют!» – понял вдруг Денис и с сожалением посмотрел на смешного философа. Эти бестолочи-организаторы митинга уже потеряли контроль над толпой, они не смогут его даже стащить со сцены. Народ им не даст. Значит, в дело пойдет запасной вариант. Он дослал патрон в патронник. Он ждал приказ, но не мог сосредоточиться. В голове мелькали какие-то картины из прошлого, солнечное лето, речной берег, крики ребятни, Лариса в ярко-красном купальнике. Точно! Это же Лариса! Это в нее он был влюблен в той своей давно забытой жизни. Но как она изменилась! Нет, она осталась такой же, но что-то изменилось в ней. Может быть, взгляд, а может... Выглянуло Солнце, осветив здания, зиму, многотысячный митинг. Почему-то на площади раздалось мощное «Ур-а-а!». Очередь из трех выстрелов была беззвучной, но все они попали в цель...

– А теперь перейдем к Нитупу! – поторапливаемый организаторами, заговорил Ландаун.

– Погоди! Стой! – раздались выкрики из толпы. – Подробности давай! Мы записываем!

– Я бы жене своей посоветовал!

– Да я бы и сам сбросил лет «цать»!

– Подробности вы найдете на сайте [битая ссылка] www.tartaria.ru. А теперь все-таки о Нитупе. Он хочет сохранить свою власть? Да! Но он попал в ловушку, и из этой ловушки нет выхода, кроме того, что предлагаю я. Все люди стареют!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.